

Старику Линю было уже под семьдесят, седые волосы густой шапкой покрывали его голову, но выглядел он на удивление бодрым.

В деревне он славился как мастер, вырезающий деревянные формы для выпечки. Этому ремеслу он учился у собственного деда с малых лет. До того как в его жизни появился Линь Юй, у старика не было ни детей, ни близких родственников в клане, и он жил исключительно на доходы от своего труда, дорожа резными формами даже больше, чем приёмным сыном.

Когда Линь Юй навестил его, старик как раз заканчивал новую партию заказов. Один городской торговец сделал срочный большой заказ, и Линь, засев за работу, несколько дней не выходил из дому.

Линь Юй знал, что стоит старику погрузиться в резьбу, как он полностью отгораживается от внешнего мира. Наверняка он ещё ничего не слышал о его предстоящей свадьбе с Шэнь Цзинцином.

Пришёл он по двум причинам: во-первых, сообщить о брачных планах, а во-вторых, чтобы договориться регулярно навещать его. Иначе этот старый упрямец и впрямь мог забыть поесть и умереть от голода среди своих деревяшек.

— Что?! Ты, бревно бесчувственное, решил молча стать зятем?! — Старик Линь замахнулся на него резцом, только что отделавшим узор «дракон и феникс». Его растрёпанные седые волосы, похожие на перья журавля, затряслись от резкого движения. — Всё, пропал мой род, некому будет наследовать!

Линь Юй прекрасно понимал, что старик лишь притворяется. Если бы он так уж заботился о продолжении рода, не остался бы старым холостяком, да и не подобрал бы на дороге взрослого парня в качестве единственного сына.

— Ничего не поделаешь. Я и впрямь его люблю, — признался Линь Юй. Говорить о таких вещах ему было слегка неловко.

Старик Линь приоткрыл один глаз и смерил его взглядом:

— Ого, значит, и впрямь любит. Чудеса, наша тихая вода вдруг заговорила о таких нежностях?

— Это не нежности. Это правда.

— Хватит пустую воду лить, — ворчал старик, уже возвращаясь к своим стамескам и рубанкам.
— Ещё когда этот Шэнь Цзинцин прикидывался глупцом, я замечал, как ты на него смотришь. Бесстыдник ты, вот что.

Линь Юй потёр нос, промолчал.

— Ладно, будь что будет, — вздохнул старик. Прожив столько лет, он повидал всякое. Свадьба это ж не конец света. — Пусть ты и потерял всякий стыд, бросившись к нему на шею, но я, старый Линь, лицом в грязь не ударю. — Жди, завтра же иду свататься к тому Шэнь Цзиньхуа. — А сейчас не мешай, работы по горло. Пошёл, пошёл.

— Хорошо... — Линь Юй сделал вид, что разворачивается.

— Останешься на ужин, — окликнул его старик, видя, что тот и впрямь направляется к двери. — И зайди по дороге за курицей, надо мясо к столу! — Днями не выходил, одну рисовую похлёбку хлебал. Сил моих больше нет. — Старик снова принялся стучать молотком.

— Понял, — ответил Линь Юй. Хотя он и был уверен в согласии старика, голос его всё равно звучал весело. — Сегодня принесу самого жирного петуха.

Линь Юй вышел за порог, и даже шаги его стали легче, словно он парил над землёй. Старик Линь фыркнул и пробормотал ему вслед:

— Нетерпеливый ты.

В сумерках он сдул свежую стружку с только что вырезанного узора. Мелкие щепки, кружась в лучах заходящего солнца, на мгновение осветили его потускневшие, но хорошие глаза.

— Сын вырос, теперь отец ему не указ, — тихо произнёс он.

.....

На следующий день, едва пробило время Сы (с девяти до одиннадцати утра), старик Линь, тщательно расчесав свои седые волосы до единого волоска, явился к дому Шэнь Цзиньцина. В руках он нёс подарки: чай, сладкие лепёшки, коричневый сахар и два отреза новой шёлковой ткани. Линь Юй шёл рядом.

— И где твоё хвалёное мастерство? — не унимался старик, уже подходя к воротам — Двух живых диких гусей так долго добывал?

Поймать диких гусей, да ещё живыми, задача не из лёгких. Дело с Шэнь Цзиньцином горело, и Линь Юй последние дни только тем и занимался. Чтобы добыть эту пару, пришлось изрядно попотеть.

Линь Юй нёс в каждой руке по гусю, выглядел он при этом слегка ошеломлённым, но на слова приемного отца не обиделся:

— Мы уже пришли. В такой радостный день не стоит меня ругать.

С самого утра старик подгонял его раз десять, но Линь Юй настаивал на поимке гусей, что и задержало их. Хорошо, что поймал сегодня, иначе пришлось бы ждать ещё день. Старик, всю жизнь наблюдавший за чужими сватовствами, впервые оказался в роли свата для собственной семьи. Естественно, он нервничал.

— Эх ты, — старик ткнул в него мозолистой рукой, огрубевшей от десятилетий работы с деревом. — К своему суженому не спешишь, а меня учишь!

Линь Юй принял удар, лишь поправляя одежду:

— Да как я смею. Просто я и сам переживаю, очень переживаю.

Старик поправил аккуратно зачёсанные утром седые усы и фыркнул:

— Раз переживаешь, чего стоишь? Иди уже.

Тётушка Ли, как всегда, оказывалась в эпицентре событий. Она давно прослышала, что старик Линь ведёт сына свататься.

— Ого, парень Линь и впрямь пришёл с предложением! — воскликнула она. Она уже не раз видела их вместе и перестала бояться сурового вида охотника. — Я же спрашивала Цин-гэра на днях, не сговорились ли вы? А он всё отнекивался. Ха! — Улыбаясь, подтрунивала она — Я же говорила, что не бывает такого. Видите, как я людей насквозь вижу! Сразу поняла, что вы друг для друга созданы. Не забудьте потом позвать тётку на свадебное пиршество!

Линь Юй кивнул:

— Обязательно.

Он принял её добрые слова. Пусть думают, что они давно намеревались пожениться, это даже лучше для репутации.

Старику Линю же её болтовня только мешала.

— Ох ты, язык без костей! Не задерживай нас в такой важный день, глаза мозолишь, — ворчал он, отстраняясь.

— Ладно тебе, старик, научился разговаривать! Поняла, поняла, в радостный день не буду мешать отцу с сыном, — фыркнула тётушка Ли, но, понимая свою бестактность, мягко подтолкнула их к двери.

Вопрос о браке Шэнь Цзинцина и Линь Юя был уже решён несколько дней назад, так что Шэнь Цзиньхуа не стал выказывать недовольства. Все формальности прошли гладко.

Старик Линь расставил подарки на квадратном столе в главной комнате и обратился к Шэнь Цзиньхуа, слегка запутавшись в терминах:

— Родствен... Младший Шэнь... Цзиньхуа. Вот это... наша семья приносит в качестве обручальных даров... то бишь, приданого.

Чёрт возьми, дожил до седых волос, а теперь тащится свататься с подарками, не зная, как их правильно назвать ... то ли «обручальные дары», то ли «приданое». Ещё чуть не ляпнул этому двадцатилетнему парню «родственник», и теперь язык заплетается от смущения.

Всё это проделки Линь Юя. Вот и пойми после этого: оказывается, даже взрослый сын может заставить старого отца понервничать.

Шэнь Цзиньхуа тоже не посмел проявлять гордость перед стариком Лином. Обменявшись несколькими учтивыми фразами для приличия, он принял подарки и с почтением пригласил гостя пройти в комнату, отведать чаю и побеседовать.

Свадебные дары от Шэнь Цзинцина были теми же, что он приносил в дом Линь Юя в день их уговора, и Линь Юй уже принял их тогда. Но Шэнь Цзинцин не ожидал, что Линь Юй и старик Линь отнесутся к делу с такой торжественностью и принесут вдобавок двух живых диких гусей.

В империи Да Юй такой обычай действительно существовал, но живые гуси были редкостью, и мало какая семья могла позволить себе такой дар при сватовстве.

Шэнь Цзиньхуа принял подарки, молодые люди обменялись свитками с датами рождения. Оставалось лишь дожидаться, пока сваха сверит их гороскопы, и дело можно было считать практически решённым. Старшие — Шэнь Цзиньхуа и старик Линь, как главы семейств, должны были обсудить дальнейшие шаги.

А вот самим виновникам торжества, Шэнь Цзинцину и Линь Юю, делать было нечего. К счастью, в их краях не было строгих обычаев, запрещающих жениху и невесте видеться до свадьбы, поэтому Шэнь Цзиньхуа, сделав вид, что не замечает их переглядок, мягко спровадил парочку в город, закупать всё необходимое для предстоящего праздника.

Перед самым выходом старик Линь украдкой сунул Шэнь Цзинцину в руку маленькую, искусно вырезанную форму для выпечки из грушевого дерева. Это была самая первая форма в его коллекции, доставшаяся ему в наследство от собственного деда.

И какая же ирония судьбы: узор на форме изображал круглый медальон с иероглифом «радость», окружённый драконом и фениксом — традиционный символ счастливого брака.

Форме, судя по всему, было несколько десятков лет, но она выглядела на удивление свежо, без единой царапины или следа времени. Видно, хранили её с особой бережностью. Шэнь Цзинцин, понимая, какую ценность представляет этот подарок, почувствовал лёгкий укол совести и неловкости.

Старик, казалось, уловил что-то в его взгляде, но ничего не сказал. Лишь своей шершавой, мозолистой рукой он похлопал Шэнь Цзинцина по тыльной стороне ладони:

— Бери. Если судьба предназначила это тебе, то грех от нее отказываться.

Весть о предстоящем браке Шэнь Цзинцина и Линь Юя к этому времени облетела уже всю деревню. Теперь, встречая их, односельчане, конечно, не лезли с бестактными расспросами, но эти полные скрытого подтекста, насмешливые, хоть и недобрые, взгляды заставляли Шэнь Цзинцина чувствовать себя не в своей тарелке.

К счастью, в конце деревни народу было немного, и они с Линь Юем быстро вышли на уединённую тропинку, где не было ни души.

Шэнь Цзинцин уже начал расслабляться, радуясь, что остался наедине с Линь Юем, как вдруг на пути им попались Мяо-гэр и его старший брат.

— Братец Цин, какая удача! — просиял Мяо-гэр — Я уже всё слышал! Поздравляю, поздравляю!

Ещё не успев подойти ближе, он уже сыпал шутливыми поздравлениями.

С тех пор как Шэнь Цзинцин пообещал научить его готовить, прошло уже немало дней, но Мяо-гэру всё время приходилось помогать отцу с торговлей в городе, и он никак не мог выкроить время для уроков. Лишь на днях он наконец вернулся в деревню, а тут ещё и новость о скорой свадьбе Цин-гэра с братом Лином. Хотя всё произошло как-то внезапно, он не решился беспокоить их в такой момент.

Да и в последнее время атмосфера дома была какой-то странной. Увидеть сейчас их вдвоём, идущих рука об руку, он не мог не порадоваться.

А вот старший Лю, шедший рядом, выглядел удручённо: глаза покрасневшие, волосы растрёпаны, а на лице застыли следы глубокой тоски.

Этот убитый горем вид красноречиво говорил о том, что госпожа Шэнь, должно быть, не раз и не два строго-настрого запрещала ему беспокоить Шэнь Цзинцина. Он и сам понимал, что не должен, но, увидев их наедине, не смог сдержать порыва.

— Ты правда хочешь выйти за Линь Юя?! — выкрикнул старший Лю, и голос его сорвался. — Я

знаю, тебя заставили!

Едва слова слетели с его губ, как он тут же пожалел о сказанном.

Но, набравшись смелости, он продолжил:

— Я тоже люблю тебя по-настоящему! Я могу стать твоим супругом!

Мяо-гэр, услышав эту тираду, застыл как вкопанный.

Что...? Это его брат говорит?!

С каких это пор у него появились такие чувства?!

А?!

<http://bllate.org/book/17180/1639045>